

11 ИЮН 1971

ВЕЧЕРНИЙ

СОВСЕМ НЕ «ВДРУГ»...

Как известно, спектакли рождаются, живут и, приходит срок, исчезают из афиши: моральный и материальный «износ» свойствен и театральному искусству. Но бывают случаи, когда зрители не хотят мириться с этим вполне естественным положением и требуют «вернуть к жизни» полюбившийся им спектакль. Так случилось с «Малышом и Карлсоном», который живет на крыше» в Свердловском ТЮЗе: по многочисленным просьбам маленьких зрителей его решено было восстановить.

А это значит сделать прежде всего новое оформление.

Предложенная И. И. Прокопьевым «одежда» спектакля оказалась очень близкой и понятной детским сердцам, удобной для актеров и в немалой степени способствовала тому, что реакция зала на «Малыша и Карлсона» теперь стала еще более живой, чем раньше. А эскизы Прокопьева к этому спектаклю экспонировались на выставке в картинной галерее, посвященной 60-летию Великого Октября.

Все это интересно прежде всего тем, что Илья Ильич Прокопьев — не художник — постановщик. Его должность в театре звучит куда скромнее: художник-декоратор. В чем разница? Постановщику принадлежит замысел оформления, выраженный в эскизах, он — автор этого оформления, его имя указывается в программе вместе с именем режиссера. Декоратор же воплощает замысел постановщика в жизнь — то есть, по сути дела, переводит чужие эскизы в масштаб сцены.

Этим занимается И. И. Прокопьев в ТЮЗе вот уже десять лет. До того был оперный театр, где он общался к профессии, а еще раньше — служба в армии, без отрыва от которой он закончил художественное училище.

О нем говорят в ТЮЗе, как об очень обязательном человеке, на которого всегда и во всем можно положиться.

Бесспорно, такая характеристика вызывает уважение, тем более, что обязательность — качество, которым, увы, отнюдь не блещут многие из нас. И все-таки... И все-таки, если художник — действительно художник, его не может не томить жажда самовыражения.

Да, он волен рисовать, писать картины — для себя, своих друзей и близких. Но ему, тем не менее, хочется выйти за эти камерные, «домашние» рамки, — и это желание столь же естественно, как естественно стремление пишущего увидеть свой труд напечатанным, желание актера вынести роль на суд зрителя...

Поскольку речь идет о художнике, работающем в театре, сравнение с актером, наверное, будет более близким. И мне хочется продолжить его.

Возьмем ситуацию, ставшую уже классической: неожиданно заболевает исполнитель центральной роли в спектакле, его нечем заменить, в театре паника... И вдруг молодой артист, который до того играл лишь в массовых сценах и эпизодах, заявляет: эту роль знаю! Может быть, попробуете? И на спектакле зрители откры-

вают для себя новое интересное имя.

Ситуация эта отнюдь не «отыграла» себя: можно было бы назвать и кое-кого из свердловских молодых актеров, утвердившихся благодаря ей на центральных ролях.

Еще более распространенный пример, хотя и не столь эффектный внешне — никаких ЧП, болезней и паник, а просто артист приходит к режиссеру с самостоятельной работой, которая гораздо значительнее всего, что было сделано им до сих пор, — и хотя нет при этом рукоплесканий зала, но открытие все-же состоялось.

Нечто подобное произошло и с И. И. Прокопьевым. Он предложил художнику эскизы к «Малышу и Карлсону», и они были приняты. Конечно, все это оказалось довольно неожиданным для многих в ТЮЗе... Но ведь и актерские «взлеты» тоже бывают неожиданными! Дело все в том, что мы видим лишь итог работы, а о самой работе — длительной, упорной, настойчивой — зачастую даже не имеем понятия.

Ну кто знал в ТЮЗе, что Прокопьев, оформляя множество спектаклей как декоратор, практически над всеми работает и как художник-постановщик? Над всеми!

Конечно, никакая работоспособность не заменит в искусстве одаренность. Но и одна одаренность без работоспособности не проявит себя полностью, не разовьется, не выступит вдруг в новом и более высоком качестве. И подчеркнуть это мне кажется достаточно важным.

Н. ЗЕНОВА.